

GRISHAVERSE

ЛИ БАРДУГО

Шмчери
Бчуря

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4
Б24

Leigh Bardugo
SIEGE AND STORM

*Печатается с разрешения New Leaf
и литературного агентства Andrew Nurnberg*

Художественное оформление *Екатерины Климовой*

Перевод с английского *Анастасии Харченко*

Бардуго, Ли.
Б24 Штурм и буря: [роман] / Ли Бардуго; пер. с англ.
А. Харченко. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
416 с. — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse).

ISBN 978-5-17-108603-9

Сбежав из Равки, Алина и Мал добираются до берегов чужой страны. Они надеются начать новую жизнь в дальних краях, где их никто не знает, но сохранить инкогнито заклинательнице Солнца не так-то просто... Тень зловещего корсара преследует Алину. Тьма сгущается. Девушке не спрятаться ни от своего прошлого, ни от судьбы: ей придется принять ее вызов. Она рискует потерять все в надвигающейся буре. Только любовь может направить ее на правильный путь.

**УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4**

ISBN 978-5-17-108603-9

Copyright © 2013 by Leigh Bardugo
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается моей матери,
которая верила даже тогда,
когда не верила я сама.*

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

Задолго до того, как мальчик и девочка увидели Истиноморе собственными глазами, они мечтали о кораблях. О них слагали сказки — волшебные сооружения с мачтами, вытесанными из сладкого кедра, и парусами, расшитыми золотом. Моряками выступали белые мышки, которые пели песни и драили палубу розовыми хвостиками.

«Ферхадер» не был волшебным кораблем. Это керчийское торговое судно, набитое доверху патокой и просом. На нем воняло немытыми телами матросов и сырым луком, который, по убеждениям, должен был убереечь команду от цинги. Экипаж плевался, ругался и играл в карты на бутылку огненного рома. Хлеб, который выдали мальчику и девочке, кишел мучными долгоносиками, а их крохотную каюту, больше похожую на шкаф, приходилось делить еще с двумя пассажирами и бочкой засоленной трески.

Но они не возражали. Вскоре они привыкли к ежечасному звону колокола, крикам чаек и неразборчивой керчийской речи. Корабль стал их королевством, а море — огромным рвом, отделяющим их от врагов.

Мальчик освоился на борту судна так же легко, как привыкал ко всему в жизни. Он научился завязывать узлы и зашивать паруса, а когда его раны зажили, тут же приступил к работе на равных с экипажем. Отказался от обуви и бесстрашно взбирался по такелажу. Матросы диву давались, как он умудрялся обнаруживать дельфинов, стаю скатов или же косяк полосатых тигровых рыбок, или тому, как он чувствовал место, откуда через секунду появится широкая, гладкая спина кита. Они клялись, что стали бы богачами, будь у них хоть толика его удачи.

Девочка же их тревожила.

На третий день плавания капитан попросил ее не покидать трюм без крайней необходимости. Виной тому, по его словам, были предрассудки команды, считавшей, что женщина на корабле приносит неудачу. Так-то оно так, но матросы, может, и обрадовались бы девице-хохотушке, которая сыпала бы искрометными шутками и играла на дудочке.

Эта же девочка могла часами неподвижно и молча стоять у перил, вцепившись в шарф на шее, как окаменевшая статуя или гальюнная фигура, вырезанная из белого дерева. Эта девочка кричала во сне и будила мужчин, дремлющих на вахте на фок-мачте.

Посему ей приходилось коротать дни в темном чреве судна. От безделья она пересчитывала бочки с патокой и изучала капитанские карты. Ночами она укрывалась в надежных объятиях мальчика, пока они вместе стояли на палубе, высматривая созвездия в огромном океане звезд: Охотник, Ученый, Три Глупых Сына, яркие спицы Прялки, Южный Дворец с шестью кривоватыми шпильями.

Она пыталась задержать мальчика подольше насколько могла, рассказывая истории и задавая много вопросов, потому что точно знала: если они пойдут спать, ей приснятся кошмары. Иногда ей снились разбитые скифы с черными парусами и скользкими от крови палубами, а в темноте раздавались отчаянные крики людей. Но худшими были сны о бледном принце, припадавшем губами к ее шее. Он сжимал руками ошейник на ее горле и взывал к ее силе во вспышке яркого солнечного света.

После такого сна она просыпалась в холодном поту, тело вибрировало от силы, а ощущение света еще теплилось на коже.

Мальчик прижимал ее крепче и нашептывал убаюкивающие слова.

— Это всего лишь кошмар, — бормотал он. — Скоро они прекратятся.

Он не понимал. Сны были единственным местом, где она могла без боязни использовать свои способности. Она жаждала их.

* * *

В день, когда «Ферхадер» достиг суши, мальчик и девочка стояли у перил и смотрели, как приближается берег Нового Зема.

Они дрейфовали в гавани сквозь лес обветренных мачт и подвязанных парусов. Здесь были и изящные шлюпки, и маленькие джонки со скалистых берегов Шухана, и военные корабли, и прогулочные шхуны, и торговые суда, и даже фьерданские китобои! Раздутая каторжная галера, плывущая к Южным Колониям, вывесила красное знамя, предупреждающее об убийцах на корабле. Когда они проплывали мимо, девочка могла поклясться, что слышала звон цепей.

«Ферхадер» пришвартовался и спустил сходни. Докеры обменялись приветствиями с экипажем, затанули канаты и подготовили груз.

Мальчик и девочка окинули взглядом толпу на пристани, высматривая, не мелькнет ли где красный кафтан сердцебита или синий — заклинателя, не блеснет ли где на солнце металл ружей равкианцев.

Время пришло. Мальчик крепко взял девочку за руку. Его ладонь была грубой и мозолистой от многих дней труда на корабле. Когда их ноги коснулись деревянного причала, земля словно ожила и забугрилась — результат долгого плавания.

Матросы расхохотались и крикнули им вслед:
— *Фаарвел, фентомен!*

Мальчик и девочка двинулись вперед и сделали первые неловкие шажки в новом мире.

«*Прошу*, — мысленно молилась девочка всем святым, которые только могли ее услышать, — *позвольте нам обрести здесь покой. Позвольте нам обрести дом*».

Вот уже две недели, как мы жили в Кофтоне, а я все никак не могла освоиться на новом месте. Городок располагался в глубине материка: западнее побережья Нового Зема и очень далеко от гавани, где мы сошли на берег. Вскоре мы двинемся дальше, углубляясь в дебри приграничных территорий Зема. Может, хоть там я почувствую себя в безопасности.

Я сверилась с небольшой, наспех нарисованной картой и проследила свой путь. Каждый день после работы мы с Малом встречались на уговоренном месте, чтобы вдвоем прогуляться до пансионата, но сегодня я умудрилась полностью сбиться с маршрута, отправившись за съестным нам на ужин. Пирожки с телятиной и капустой, которыми был набит мой рюкзак, распространяли очень своеобразный аромат. Владелец лавки уверял, что эта еда — местный деликатес, в чем я очень сомневалась. С другой стороны, какая разница? В последнее время для меня любая пища отдавала пеплом.

В Кофтон мы перебрались в надежде найти заработок, который покроет наши расходы на поездку на запад. Здесь обосновался главный рынок юрды, окруженный плантациями с маленьки-

ми оранжевыми цветами, которые люди жевали бушелями. В Равке этот стимулятор считался большой роскошью, но некоторые из матросов на «Ферхадере» применяли его, чтобы не уснуть во время ночной смены. Земенцы предпочитали удерживать высушенные цветы между губой и десной, и даже женщины носили юрду в расшитых мешочках, прикрепленных на запястье. В каждой витрине рекламировалась своя торговая марка: «Ярколист», «Тень», «Дока», «Дюжий». Я увидела, как девушка в красивой юбке наклонилась и сплюнула сок ржавого цвета прямо в медную плевательницу, которые стояли у каждого магазина. Меня передернуло от отвращения. Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому земенскому обычаю.

Я свернула на главную улицу и вздохнула с облегчением. По крайней мере теперь я знала, где нахожусь. Кофтон все еще казался мне чем-то нереальным. Было в нем что-то незавершенное. Большинство улочек были немощеными, а здания с плоскими крышами и хлипкими деревянными стенами выглядели так, будто они могут рухнуть в любую минуту. Хотя все они имели застекленные окна. Женщины одевались в бархат и кружева. Вместо винтовок, ножей и оловянных кастрюль витрины магазинов пестрили сладостями, всяческими безделушками и пышными нарядами на любой вкус. Здесь даже нищие не ходили босыми. Так и должна выглядеть страна в невоенное время.

Проходя мимо трактира, уголком глаза я заметила вспышку красного. Корпорялы! Я попятилась и мгновенно вжалась в темный проход между двумя зданиями. Сердце колотилось, а рука потянулась к пистолету на бедре.

«Сперва кинжал, — напомнила я себе, извлекая лезвие из рукава. — Попытайся не привлечь лиш-

него внимания. Если придется, используй пистолет. Силу — только в крайнем случае». Уже в который раз я затосковала по фабрикаторским перчаткам, которые пришлось оставить в Равке. В них были вшиты зеркала, что позволяло мне с легкостью ослеплять противников в рукопашном бою — неплохая альтернатива разрезу, который разделявал человека пополам. Но если меня заметит сердцебит, у меня не останется выбора. Они были любимыми солдатами Дарклинга и могли остановить мое сердце или придавить мои легкие безо всяких усилий.

Я выжидала, крепко вцепившись в рукоять кинжала, а затем все же осмелилась выглянуть из-за стены. Я увидела тележку, доверху нагруженную бочками. Возница остановился поболтать с какой-то женщиной, а ее дочка нетерпеливо пританцовывала рядом, кружась в развевающейся красной юбке.

Просто маленькая девочка. Ни одного корпорала поблизости. Я снова скрылась за зданием и сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы.

«Когда-нибудь все изменится, — внушала я себе. — Чем дольше ты на свободе, тем легче тебе становится».

Когда-нибудь я проснусь после сна без кошмаров и выйду на улицу без опаски. А пока — буду держать кинжал при себе. Тяжесть стали гришей придавала мне уверенности.

Я продолжила свой путь по оживленной улице и, ухватившись за шарф на шее, крепче затянула его. Это стало чем-то вроде нервного тика. Шарф скрывал ошейник Морозова — самый мощный усилитель на свете и мой единственный опознавательный знак. Без него я просто очередная грязная, голодающая равкианская беженка.

Я пока не придумала, что делать, когда потеплеет. Летом вязаные шарфы и пальто с поднятым